

Тан Чунмин был благодарен управляющему Ци за то, что тот пришел лично и все объяснил. В любом случае, молодой господин Тэн Юй и управляющий Ци по-прежнему вели с ним дела подобающим образом, особенно по сравнению с отвратительным поведением семьи Мэн. Если уж выбирать, Тан Чунмин, естественно, был на стороне «Цзиньцзи».

Естественно, управляющий Ци мог ясно видеть, что Тан Фулан был возмущен действиями семьи Мэн. Поэтому, пока они смогут блокировать бесчестные методы семьи Мэн и «Павильона Маньфу», Тан Фулан никогда не перейдет в лагерь противника. Таким образом, их сотрудничество станет еще более прочным. Он подумал, что за это следует поблагодарить семью Мэн. В конце концов, не все можно решить угрозами или соблазнами.

Тан Чунмин что-то вспомнил и спросил Ли Фэна и управляющего Ци:

- Семья Шэнь достигла согласия в вопросе брака с Чжао Пинчуанем?

Эти два дня он был так занят своей маленькой жизнью с неким вероломным человеком, что у него не было времени беспокоиться о посторонних делах. Вспомнив о Чжао Пинчуане, он, конечно, хотел увидеть, как тот станет посмешищем.

- Они обменялись датами рождения. Говорят, что этот брак был заключен на небесах, - такие новости слышал господин Ци.

- Я слышал, что в день, когда приходил сваха, Чжао Пинчуаня не было дома, и матриарх Чжао сразу же согласился на брак. Позже третий старейшина семьи Чжао даже отругал его за это дело. Похоже, что третий старейшина семьи Чжао не очень оптимистично относится к этому браку, но теперь он не может отказаться, несмотря на сожаления, - это была новость, которую услышал Ли Фэн. Он держал ухо востро, тем более что семья Чжао плохо относилась к Мин ге-эру, поэтому он следил за всеми движениями этой семьи. Хотя он и мужчина, но был более осведомлен в деталях и слухах, чем Тан Чунмин, который носил шкуру ге-эра.

- Чжао Пинчуань еще не вернулся? - как только Тан Чунмин уловил намек, его глаза загорелись.

В глазах Ли Фэна тоже мелькнула улыбка, и он сказал:

- Еще нет, я слышал, что он отправился в окружной город, - об этом матриарх сам объявил по всей деревне, сказав, что какой-то крупный чиновник в округе пригласил его Чжао Пинчуаня в гости.

- Хе-хе, теперь я действительно не могу дождаться возвращения Чжао Пинчуаня, ага... - Тан Чунмин злорадно улыбался, как хитрая маленькая лиса, укравшая рыбу. Ли Фэн был очень равнодушен к этой его стороне, он не думал, что в действиях Тан Чунмина есть что-то плохое. Для него обращение с врагами, не вынимая меча, уже было весьма любезным, конечно, он также надеялся, что человек, который ему нравится, также будет предельно честен в своих

обидах. С этой точки зрения брат Мин ему особенно импонировал.

- О... - управляющий Ци также понял. Этот старый лис очень сожалел, что не может остаться в деревне Пиншань, чтобы посмотреть большое шоу. Кстати, следует сказать Сяо Шуныцзы, чтобы он следил за семьей Чжао и докладывал ему, если что-то случится.

Зная, что пути назад нет, Тан Чунмин просто открыто принял Ли Фэна. Ему действительно нужна была помощь по хозяйству. Кроме того, у него оставался шестимесячный испытательный срок. Если же Ли Фэн не пройдет его, хм, Тан Чунмин не побоится вернуть товар.

Перед отъездом управляющий Ци велел Сяо Шуныцзы оплатить стоимость собранных овощей. Общая сумма составила поляна серебра, которые были переданы Ли Фэну, помогавшему с погрузкой. Ли Фэн развернулся и полностью передал деньги Тан Чунмину.

Тан Чунмин не обратил внимания на этот незначительный инцидент, взял серебро и бросил его в пространство.

Теперь, когда огурцы созрели, вес продаваемых каждый раз овощей также увеличился, поэтому его доход был довольно значительным. Тан Чунмин прикинул цифры - день, когда он сможет купить весь холм позади своего дома, становится все ближе и ближе.

Пока он размышлял о том, сколько времени понадобится для накопления нужной суммы, Ли Фэн сходил к себе домой и принес коробку. Передав ее Тан Чунмину, он сказал:

- Отныне все это будет твоим.

Деловой тон его голоса заставил губы Тан Чунмина дернуться, но он должен был четко спросить:

- Что здесь?

Просто отдает, даже не сказав, что это? А что, если оно сломается? Будет ли он также нести ответственность за компенсацию?

Коробка даже не была заперта. Ли Фэн протянул руку и открыл ее прямо перед Тан Чунмином. Когда он увидел, что находится внутри, глаза Тан Чунмина расширились. Ему не терпелось протереть глаза, чтобы проверить, не ошибся ли он.

Немаленькая коробка была доверху набита серебряными и золотыми слитками. Один только

вид этого богатства мог ослепить глаза. Тан Чунмин ущипнул себя за бедро и издал болезненный крик.

Черт возьми! Он нашел богатого человека, не так ли? Имея так много денег, этот коварный тип ел у него дома, как будто был бедным. Раньше Тан Чунмин думал попросить Ли Фэна заплатить за еду, но, поскольку тот взял на себя всю тяжелую работу по хозяйству, он сдался, считая еду своего рода зарплатой.

- Ты богатый человек, - Тан Чунмин одним махом закрыл коробку и завистливо сказал, - Если бы твои родственники знали об этом, они бы относились к тебе совсем по-другому.

Он подтолкнул коробку в сторону Ли Фэна. Хотя он завидовал, это были не его деньги.

- С того момента, как пять лет назад меня вынудили покинуть деревню Пиншань, я никогда не думал о том, чтобы снова бросить на них хоть один добрый взгляд. В то время я думал, что лучше умру от голода на улице, чем вернусь и съем хоть один кусок с их стола.

Поэтому, даже если бы он заработал деньги, он не дал бы им ни одного медяка. Возможно, услышав это, другие люди могли бы назвать его непочтительным, они бы сказали, что эти люди - родные братья его отца, поэтому ради своего отца он не должен заходить слишком далеко, но он знал, что человек, стоящий перед ним, не станет осуждать его, потому что в душе они были одинаковы и не стали бы идти на компромисс ради сохранения достоинства. Это было видно из решимости Мин ге-эра разорвать отношения с семьей Чжао.

С этими словами он подтолкнул коробку к руке Тан Чунмина и продолжил объяснять:

- Ты отвечаешь за эту семью, конечно, деньги должны храниться у тебя. Я могу только тратить деньги, но не зарабатывать их. Теперь, когда больше нет войны, я просто буду сидеть и проедать их.

Только когда он передал Мин ге-эру серебро, полученное от «Цзиньцзи», ему пришло в голову, что его поведение до этого можно расценить как нахлебничество. Как это возможно! Как он мог сидеть на шее своего ге-эра! Именно он, мужчина, должен содержать семью! Вспомнив о своей шкатулке с серебром, он поспешил принести ее.

Увидев, как он решительно подвинул ему коробку, сердце Тан Чунмина внезапно переполнилось радостью. Ли Фэн отдал все свои деньги в его руки. В будущем вся жизненная сила финансов будет зажата в его ладони. Посмотрим, осмелится ли он пожалеть об этом? Маленький жадный злодей в сердце Тан Чунмина был вне себя от радости. Он был так счастлив, что улыбался во весь рот.

Снова открыв коробку, он удовлетворил свою жадность, пересчитывая серебряные и золотые слитки внутри:

- Ты сам это сказал, я не просил об этом. Как только что-то попадает в мои руки, пути назад уже нет. Эй, сколько здесь серебра?

Ли Фэн также был очень доволен увиденным. Конечно, получив деньги, этот ге-эр не сможет вернуть товар. Он больше не сможет сказать, что Ли Фэн ему не нравится и он не согласен выйти за него замуж. Теперь он сможет войти в семью более достойным образом.

Посмотрев на улыбающееся лицо брата Мина, он равнодушно сказал:

- Думаю, несколько тысяч лян. Я точно не считал.

Серебряный слиток, который держал Тан Чунмин, упал и укатился под стол. Глаза ге-эра округлились и он с недоверием посмотрел на мужчину, который не изменился в лице. Тон его голоса повысился:

- Несколько тысяч лян? Ты не ошибся?

Ли Фэн поднял упавший серебряный слиток и положил его на стол. Затем он вскрыл верхний слой коробки. Тан Чунмин посмотрел вниз и увидел, что внутри лежит пачка серебряных банкнот, и, судя по ее толщине, он понял, что сумма не маленькая.

Он издал восхищенный вздох и покачал головой. Черт возьми, откуда взялся этот местный олигарх?

Если бы там было несколько десятков или сотен серебра, он мог бы притвориться и посопротивляться чуть больше. Но несколько тысяч лян? Ни за что, беру все! Тан Чунмин сложил все серебряные и золотые слитки обратно в коробку и прижал ее к груди. Он едва сдержался, чтобы не спрятать ее в пространство прямо перед Ли Фэном.

По крайней мере, он все еще сохранял немного здравомыслия.

- Хаха, ты не можешь забрать свои слова обратно. Отныне она вся моя. Я куплю гору и засажу ее фруктовыми деревьями, разведу стадо овец и кур. И я открою целый ресторан, где будут подавать баранину. Я буду сидеть дома и считать деньги, и стану богатым человеком.

- Хорошо, как скажешь, ты можешь делать все, что хочешь, я буду слушать тебя, - добродушно ответил Ли Фэн, не в силах удержаться от улыбки. Если бы Ю Му был здесь в этот момент и видел выражение лица своего босса, он бы испугался до смерти.

- Что ж, сегодня я вознагражу тебя шикарным обедом, - сказал Тан Чунмин, широко взмахнув рукой.

- Хорошо, - теперь в этом нет ничего неуместного.

Тан Чунмин был действительно очень щедр в тот день. Он купил свинину, а также попросил Ли Фэна поохотиться на нескольких диких животных в горах. Вместе с овощами с собственного огорода он приготовил стол, полный еды, пригласил семью Чжан Сю, семью Ван Мо, семью деревенского старосты, а также дядю Чжао Лю на ужин. Дядя Чжао Лю также привел своего старшего внука, чтобы присоединиться к веселью. Все ели с большим воодушевлением. Чжан Сю и остальные хотели выяснить у Тан Чунмина, по какому поводу он пригласил их на ужин, но так и не смогли вытянуть из него правду. Не мог же Тан Чунмин сказать, что у него появилось несколько тысяч лян серебра, и он хотел разделить свою радость.

В конце концов, именно Шэнь Фулан произнес несколько слов, которые заставили всех ошибочно подумать, что Тан Чунмин и Ли Фэн официально договорились пожениться, поэтому они пригласили всех на ужин в качестве свидетелей. Ну, вообще-то, это почти одно и то же. Не может же Тан Чунмин вернуть уже полученные деньги?

На следующий день Ли Фэн отвел свою лошадь к новому двору Тан Чунмина и поселился там, поставив палатку с той стороны, где содержались животные, чтобы укрыться от ветра и дождя.

Да Мао и Эр Мао, которые обычно приходили в дом Ли Фэна, чтобы заниматься тренировками по боевым искусствам, оставались в доме Тан Чунмина большую часть дня. По утрам они ходили учиться читать и писать, а после обеда они вместе с Ли Фэном занимались боевыми искусствами.

Ли Фэн, казалось, читал мысли Тан Чунмина и проводил все больше времени с А-Линем. Хотя сейчас он добился того, что Мин ге-эр принял его как своего будущего мужа, но если А-Линь захочет признать его своим отцом, то ему больше не придется ни о чем беспокоиться.

Ли Фэн чистил свою лошадь в новом дворе. За происходящим наблюдали несколько детей, три собаки и два гуся. Это была очень оживленная сцена. Тан Чунмин тоже был там со своим животом. Если бы ситуация позволяла, он тоже хотел покататься верхом.

- Почему ты здесь? - Ли Фэн занервничал, как только увидел подошедшего Тан Чунмина. Каждый раз, когда он видел, как Тан Чунмин небрежно ходит со своим большим животом, он начинал нервничать. Не то чтобы он раньше не видел других беременных ге-эров, но никто из них не был похож на брата Мина.

Если честно, сейчас Тан Чунмин со своим нежно-розовым лицом становился все более привлекательным. Другие беременные ге-эры в его ситуации выглядели настолько жалко, что невыносимо было смотреть. К тому же из-за растущего живота его походка изменилась и он все сильнее покачивал бедрами при ходьбе. Было бы ложью сказать, что это не привлекало взгляд, но Ли Фэн боялся, что если он будет так ходить, то может удариться, и это будет плохо.

Ли Фэн быстро вымыл руки и пришел ему на помощь, а также попросил мальчиков поднести к нему табуретку. Только после того, как Тан Чунмин сел, он почувствовал себя спокойно:

- Если ты хочешь прийти посмотреть, скажи мне заранее. Я приведу тебя сюда.

Тан Чунмин взглянул на него и сказал:

- Неужели я такой хрупкий? Когда тебя здесь не было, я обходился сам и смог поднять такой большой двор.

Ну, Ли Фэн знал, что брат Мин был сильным, но подумал про себя, что в будущем он будет уделять своему ге-эру больше внимания и меньше говорить об этом.

К счастью, не дожидаясь объяснений Ли Фэна, прибежал А-Линь и показал Тан Чунмину:

- Мама, смотри, какая большая лошадь! Большую лошадь зовут Цзинфэн*, А-Линь только что купал большую лошадь.

(ПП: Цзинфэн - Ветряная буря)

Видя, что А-Линь хорошо проводит время и его маленькое личико покраснело от восторга, Тан Чунмин достал платок, чтобы вытереть капли пота и воды с его головы, и сказал:

- Наш А-Линь действительно потрясающий. Оказывается, эту лошадь зовут Цзинфэн. Я этого не знал.

- Тетя Мин, Цзинфэн так силен. Дядя Фэн сказал, что он спас ему жизнь. Он перегнал северного варвара и просто пнул его вот так, - сказал Да Бао, красноречиво жестикулируя.

Неудивительно, что все дети любили эту лошадь, оказывается, у нее такая удивительная история. С этими мыслями взгляд Тан Чунмина обратился к Ли Фэну:

- Итак, эта лошадь по кличке Цзинфэн - великий герой. Это ты дал ему имя? Оно такое... стильное...

Посмотрите на его животных: Сяо Хуа, Сяо Хэй и Сяо Дай - такие деревенские клички. Разве имя этой лошади не слишком вызывающе?

Тело Ли Фэна напряглось от его взгляда и он быстро объяснил:

- Имя Цзинфэну придумал врач, который спас мне жизнь. Я грубый человек, как бы я мог придумать такое имя? Цзинфэн был дикой лошадью, которую я усмирил на лугу. Он последовал за мной и отказался уходить, а теперь Ю Му прислал его из провинции Динчжоу.

Скажем так, иначе не будет ли он казаться слишком низкопробным на фоне стильной лошади?

- Ветряная Буря, верно? Красивое имя. Он должен быть быстрым бегуном. Кстати, Цзинфэн - это жеребец или кобыла? Может ли они иметь жеребят? - Тан Чунмин с интересом посмотрел на Цзинфэна, а затем опустил глаза. О, Ли Фэну не нужно было объяснять, он все понял и с сожалением сказал, - Так это мерин, у него не может быть жеребят.

Если бы у него был жеребенок, он мог бы отдать его А-Линю, чтобы тот покатался, он не осмеливался сажать ребенка на высокую взрослую лошадь.

- Ничего, в следующий раз я достану жеребенка для детей, - сразу же заявил Ли Фэн.

- Правда? Дядя Фэн! Отлично! Когда вы собираетесь его купить? - прежде чем Тан Чунмин успел что-то сказать, на него обрушился гвалт. Дети болтали вокруг Ли Фэна, желая, чтобы дядя Фэн немедленно поехал за жеребенком. Что касается Цзинфэна, то на нем они тоже хотели прокатиться, но они не были такими высокими, как дядя Фэн, так что им приходилось ждать, когда он возьмет их покататься.

- В следующий раз, когда поеду в окружной город.

- О! Отлично!

Когда Чжан Сю узнал об этом, он ткнул пальцем в Тан Чунмина и сказал:

- Ты просто балуешь их, не так ли? Разве ты не знаешь, как дорого стоят лошади? Даже не смотря на их стоимость, простые деревенские семьи не могут позволить себе их содержать.

Тан Чунмин сделал невинное лицо:

- Я этого не говорил. Ли Фэн сам обещал детям. Он не может просто сказать свое слово и не сдержать его.

На самом деле, он хотел стоять на въезде в деревню и кричать всем подряд. Теперь он богатый человек с несколькими тысячами лян серебра, но ему приходилось притворяться бедным. Это так невыносимо.

- Тогда ты не можешь просто позволить Ли Фэну делать все, что он хочет. Ты должен строго следить за своими деньгами. Говорю тебе... - Чжан Сю прищелкнул языком и преподал Тан Чунмину уроки ведения домашнего хозяйства.

Ох, ему нужно время от времени предупреждать этого парня. Чжан Сю сказал это не просто так. Хотя характер брата Мина сейчас сильно изменился, но он боялся, что если он привыкнет

к другому Чжао Даху, то не сможет ничего сказать.

- Не волнуйся, я понимаю. Он отдал мне все свое серебро, так что если он хочет потратить деньги, он должен получить их от меня. На этот раз он делает это ради А-Линя, иначе как он сможет показать свою искренность? - с улыбкой сказал Тан Чунмин, заметив фигуру, проходящую мимо двери. Чжан Сю стоял спиной к двери и не замечал, что происходит снаружи.

- Правда? - Чжан Сю не думал, что Ли Фэн придумает такой трюк. Неудивительно, что отношение брата Мина к нему так сильно изменилось в последнее время. Оказывается, причина в этом. Этот хитрый парень действительно впечатляет.

- Конечно, - Тан Чунмин улыбнулся.

- Тогда мне легче, но отныне ты не можешь быть слишком щедрым, накопи немного денег и добавь несколько акров хорошей земли как можно скорее. В конце концов, горы не слишком плодородные, - осторожно предупредил Чжан Сю.

- Я знаю, - Тан Чунмин знал, что Чжан Сю действительно думает о нем.

Тан Чунмин все еще делал по хозяйству то, что мог. Он не мог оставаться без дела, даже если бы ему приказали. Ли Фэн мог только наблюдать за ним, дрожа от страха. Это было хуже, чем идти на поле боя самому, чтобы убивать варваров. Почему этот ге-эр такой непослушный?

Не обращая внимания на нервозность Ли Фэна, Тан Чунмин с удовлетворением смотрел на несколько вишневых деревьев, посаженных во дворе, и полил их. На самом деле это были не те саженцы, что привез Ли Фэн, он заменил их на те, что вырастил в своем пространстве давным давно. Некоторые другие фруктовые деревья в этом месте также были заменены. Все растения в его пространстве являются высококачественными фруктовыми деревьями, так что плоды, которые они приносят, просто восхитительны.

Первыми были посажены виноградные лозы. Номинально это были дикие лозы, привезенные с гор. Они уже начали подниматься по подпоркам.

Тан Чунмин жестом указал на место и сказал:

- Нам придется построить здесь опору. В такую теплую погоду лозы быстро поднимаются. Может быть, летом они будут производить виноград.

Это было задание для Ли Фэна. Ли Фэн без колебаний кивнул головой в ответ, он сделает все, что от него потребуют, лишь бы этот ге-эр успокоился. Что касается аномалий в растениях,

обнаруженных парой его острых глаз, натренированных на поле боя, то он их просто игнорировал.

- Эй, - Тан Чунмин сел с помощью Ли Фэна, легонько пнул его по ноге и сказал, - Как ты думаешь, за сколько серебра можно купить тот холм позади нас? У него еще не должно быть владельца, верно?

Ли Фэн не возражал против этого маленького жеста своего ге-эра. В его глазах это даже казалось признаком близости. Но пришло время поднять вопрос об обращениях, поэтому он с суровым лицом поправил его:

- Называй меня А-Фэн, или брат Фэн.

- Что? - Тан Чунмин отреагировал не сразу, разве они не говорили о покупке холма?

Ли Фэн набрался смелости и схватил ге-эра за руку. Его уши даже слегка покраснели. Не то чтобы у них раньше не было физического контакта, он даже обнимал его, но в то время он нервничал по поводу здоровья Тан Чунмина и так переживал, что толком ничего не почувствовал. Сейчас, когда он просто схватил его за руку, это было похоже на покалывание электричества. Не спрашивайте его, откуда он знает, каково это - быть пораженным электричеством, просто ему показалось, что в него ударила молния.

Тан Чунмин с трепетом наблюдал, как этот мужчина отчаянно сжимает его руку смертельной хваткой и не отпускает, а затем смотрел, как Ли Фэн с напряженным лицом объясняет:

- Я старше тебя, ты должен называть меня брат Фэн.

Тан Чунмин расхохотался. Теперь он действительно увидел, как этот мужчина покраснел, а его глаза немного блуждали, время от времени возвращаясь к его лицу.

Тан Чунмин открыл рот и сказал:

- Хорошо, брат Фэн.

Назвав его братом Фэном, он не теряет ни кусочка мяса, ему не больно и не чешется. К тому же он смог увидеть, как покраснело лицо мужчины. Это того стоит.

- Хм, - уголки рта Ли Фэна изогнулись. Ему понравилась освежающая энергия его ге-эра. Подумав, он добавил, - Брат Мин.

Обычно им двоим не приходилось называть друг друга по имени, либо они просто говорили «Эй», как только что сделал Тан Чунмин. Теперь, когда они назвали друг друга так интимно, и

его рука легла на широкую, сильную и теплую ладонь, Тан Чунмин действительно почувствовал вкус любви. Хотя это было простое, обыденное чувство, оно приносило ощущение душевного спокойствия.

Думая таким образом, Тан Чунмин не удержался и погладил ладонь Ли Фэна кончиками пальцев. Ли Фэн почти подпрыгнул, как будто его обожгло, его уши и шея стали еще краснее, но, несмотря на это, он не отпустил его руку. Он сказал себе: этот ге-эр слишком смел. Никто больше не должен об этом знать. Только он, Ли Фэн, должен знать и он может быть смелым только для него одного.

Вот так они и сидели под еще не убранной лозой. Один улыбался, как цветок, другой притворялся спокойным с напряженным лицом. Два недавно вылупившихся белых гуся носились рядом, А-Линь гонялся за Сяо Хуа по двору, время от времени хихикая. Сяо Дай все еще время от времени спотыкаясь, следовал за ними. Сейчас он научился вставать самостоятельно и старался изо всех сил.

В маленьком дворике было тепло и уютно.

Чжао Пинчуань вернулся из уезда Аньпин на повозке с волами. Время от времени люди приветствовали его и звали Чжао Сюцаем, что его несказанно радовало.

- Эй, Чжао Сюцай вернулся, мы все ждем, чтобы попросить чашу счастливого вина на твоей свадьбе.

- Все будет, торопиться некуда, мы обязательно пригласим всех жителей деревни на свадьбу, - с поклоном сказал Чжао Пинчуань.

- Верно, семья Чжао теперь важная семья, и семья Шэнь не обойдется без богатой церемонии, так что Чжао Сюцаю придется устроить для нас пышный банкет.

- Что, где... - Чжао Пинчуань, который делал скромное лицо, вдруг услышал упоминание о семье Шэнь, сразу же напрягся и неуверенно спросил, - Семья Шэнь?

- Да, все уже готово, а ты еще стесняешься и скрываешь это от нас, односельчан? Чжао Сюцай, не стыдись, это первоклассный брак в нашей деревне Пиншань, хаха! Чжао Сюцай, возвращайся скорее, матриарх Чжао, наверное, ждет-не дождется.

Дальше по дороге жители деревни заметили, что Чжао Сюцай больше не улыбался. Он выглядел немного мрачным, и сидел неподвижно, с опущенным лицом и опущенными веками. Его сходство со старым матриархом Чжао стало еще более явным. Сразу видно, что они были матерью и сыном.

Будь у него другое настроение, он, возможно, поднял бы глаза, когда проезжал мимо двери дома Чжао Даху. Теперь, когда он разорвал сделку с рестораном «Цзиньцзи», этому ге-эру пора вести себя прилично. Но сейчас у него не хватало духу заботиться об этом.

Разве он не сказал матери перед отъездом, что не торопится жениться? Или люди неправильно поняли, что было только намерение обручиться?

Человек, льстивший семье Чжао, уже сообщил матриарху, что его ученый сын вернулся, и когда телега с волами подъехала к дому семьи Чжао на западе деревни, старик Чжао уже стоял у двери и приветствовал сына:

- Пинчуань, ты, наверное, устал. Нелегко совершить поездку в округ. Иди внутрь и отдохни. Мама приготовит тебе куриный суп.

Ван Чуньхуа также стоял позади него, он взял с собой своего сына. Перед тем как выйти, он держал его за ухо и несколько раз повторял, что ему нужно ласково разговаривать с бабушкой и третьим дядей, и вести себя хорошо. Их будущее зависело от него. Чжао Дун на самом деле очень не хотел этого делать. Его всегда баловали, и он не мог позволить себе унижаться. Но Ван Чуньхуа сказал ему: «Хочешь прожить жизнь так, чтобы другие тебе служили? Хочешь иметь больше серебра, чем сможешь потратить? Хочешь счастливо жить в городе или остаться в деревне и заниматься сельским хозяйством?

На это Чжао Дуну нечего было возразить. Дети в деревне больше не отвергали его, и он смог жить престижной жизнью только благодаря третьему дяде. Как он мог не ревновать, наблюдая, как третий дядя снова и снова отправляется в город? Поэтому в данный момент он выглядел более искренним, чем обычно.

Чжао Пинчуань сошел с телеги. Расплатившись за поездку, он холодно сказал старой матери Чжао:

- Мама, ты дал согласие на брак с семьей Шэнь? – в его голос звучал оттенок гнева.

Сердце старого матриарха Чжао заколотилось. Третий старейшина уже ругал его раньше, но сейчас его собственный сын был недоволен. Матриарх Чжао не считал брак с семьей Шэнь слишком плохим. Учитывая это, он чувствовал себя немного увереннее и нахмурился:

- Почему ты не можешь этого сделать? В будущем тебе все равно понадобятся деньги. Семья Шэнь обещала дать тебе два магазина и пятьдесят акров хорошей земли. Это почти тысяча лян серебра, и когда ты женишься, все это будет твоим. Я все это спланировал для тебя. Ты собираешься обвинять мать, как твой третий дядя?

- Это верно, младший шурин. Не мне говорить тебе, что мать делает все для тебя. Когда ты женишься на ге-эре из семьи Шэнь, не только ты, но и наша мать сможет воспользоваться их благословениями. Ты не можешь позволить своей матери страдать вместе с тобой после того,

как ты сдал экзамены на Сюэя, - Ван Чуньхуа тоже помогал. Что за шутка! Брак был согласован, и сам Ван Чуньхуа приложил к нему руку. Обещанное серебро и статус семьи Шэнь заставили его по-настоящему ревновать. Не говоря уже ни о чем другом, если он сможет найти для Даню более легкую работу в городе, в деньгах недостатка не будет. Расчеты Ван Чуньхуа были очень хороши.

Присутствие свахи, его уговоры и серебро, которые сваха сулил старому матриарху Чжао, - кто бы смог отказаться?

Чжао Пинчуань был так зол, что его трясло от ярости. Он боялся, что его мать обо всем забудет, когда увидит деньги, поэтому он старался говорить о своем собственном будущем. Он рассчитывал, что поскольку за ним присматривает третий дядя, его мать не сразу согласится на брак с семьей Шэнь. Теперь же...

Чжао Пинчуань повернул голову и свирепо уставился на Ван Чуньхуа недобрый взглядом.

- Мама, это старший зять убедил тебя согласиться? Очевидно, я ведь предупреждал тебя об этом перед тем, как уйти из дома, иначе как ты мог передумать?

Раньше он закрывал глаза на мелкие идеи Ван Чуньхуа, пока они не касались его самого, но теперь его пакости действительно обрушились на его голову, это ужасно раздражало!

- О чем ты говоришь, третий брат? Как ты можешь так разговаривать со своим зятем? Когда ты ушел из дома, мы с ним заботились о матери. Мы обеспечивали тебя едой и одеждой. Я не прошу тебя говорить добрые слова, я просто хочу, чтобы ты помнил, что мы все еще твои старшие, - неожиданно Чжао Даню, который никогда не открывал рта, выбежал и отругал Чжао Пинчуаня.

Деревенские жители, которые шли позади них, думали, что семья Чжао будет в восторге из-за радостного события. Но все оказалось не так, как они ожидали. Это не было радостным событием, скорее намечалась драка.

Чжао Пинчуань разозлился еще больше. Даже Чжао Даню, который всегда был самым глупым и некомпетентным, осмелился выйти и возразить ему. Но он не хотел, чтобы скандал его семьи был замечен другими. Ему пришлось сдержать свой гнев и зайти во двор. Старая мать Чжао и Даню, естественно, последовали за ним. Ван Чуньхуа вошел последним и с гримасой кричал соседям снаружи, прежде чем закрыть за собой дверь:

- Третий брат нашей семьи будет женихом, конечно он смущается. Когда дата будет назначена, мы пригласим вас выпить.

- Ты... - лицо Чжао Пинчуаня исказилось от гнева. Посторонних больше не было и Чжао Пинчуань без колебаний взревел, - Отмените этот брак! Отмените его немедленно. Брат, угомони своего ге-эра. Не ему решать вопрос о моем браке. Он не отвечает за семью Чжао!

- Тогда кто отвечает? Разве то, что говорит мама, не имеет значения? - Ван Чуньхуа тайком поджал губы, а затем пробормотал тоненьким голосом, - Да, разве то, что я говорю, не считается?

- Ты просишь меня отказаться от брака? Как я смогу сохранить свое достоинство главы семьи, забирая свои слова назад? - матриарх Чжао был очень зол.

Чжао Пинчуань еще больше возненавидел вонючий рот Ван Чуньхуа. Только когда подошла его очередь, он понял, что в устах этого ге-эра было столько ненависти. Он сердито проинструктировал Чжао Даню:

- Брат, пригласи сюда третьего дядю, - видя, что Чжао Даню, казалось, не хочет двигаться, он не мог не повысить голос, - Что? Мои слова теперь бесполезны? Отлично. С этого момента я не буду просить брата ни о чем, каждый будет жить своей собственной жизнью! - Чжао Пинчуань был очень раздражен, говоря столь неумолимые слова. Он втайне ненавидел тот факт, что он так много работал, но никто в его семье, кроме матери, не заботился о нем, вместо этого они даже побуждали его мать идти против него.

Глаза Чжао Даню помрачнели. В конце концов, он ничего не сказал, открыл дверь во двор и вышел, чтобы пригласить третьего дядю. Ван Чуньхуа ненавидел своего мужа за трусость. Он был старшим братом, но его обескуражили слова младшего.

Однако он все так же честно стоял за спиной матриарха Чжао и тайно смотрел на своего сына Чжао Дуна, намекая ему не говорить громко в это время, чтобы не раздражать остальных. После этого он опустил глаза и промолчал. Однако в душе он был доволен собой. Договоренность о браке невозможно вернуть назад, в противном случае семья Чжао опозорится, к тому же с семьей Шэнь тоже шутки плохи.

Уверенность старого матриарха Чжао также иссякла. Хотя он сердился на сына за то, что он предпочитал обсуждать все с третьим дядей, а не слушать мать, он привык слушаться Чжао Пинчуаня. С некоторым трепетом он спросил:

- Пинчуань, почему ты попросил свою мать отказаться от брака? Возможно ли, что ты нашел в округе кого-то другого, получше? - он только сейчас вспомнил слова Чжао Пинчуаня, сказанные им перед отъездом. Иначе он не стал бы слушать других.

- Да, это старший ге-эр окружного судьи. Жубу Дажен *очень доволен мной, но договоренность о браке еще не заключена, и если они узнают, что я уже помолвлен, то вместо брака мы наживем себе врагов. Мама, как ты думаешь, стоит ли тебе отказаться от брака?

(ПП: Жубу Дажен - это название древней китайской официальной должности и принадлежит гражданскому чиновнику. Он отвечал за канцелярские книги и печати, то есть за составление некоторых документов, управление архивами и различными печатями)

Первоначальная самоуверенность Чжао Пинчуаня полностью исчезла. Если бы он мог положиться на окружного судью и в будущем его бы повысили в должности, он без проблем смог бы поступить в государственную школу округа, но теперь...

Если бы он знал, что ему не следовало колебаться, говоря «нет», он бы не попал сейчас в беду.

- Окружной судья? О, Боже! - старый матриарх Чжао все еще был в оцепенении, но Ван Чуньхуа шлепнул себя по бедру и с сожалением закричал, - Третий брат, почему ты не сказал об этом раньше? Если бы ты раньше сказал, что можешь связаться с чиновниками округа, я бы отчаянно попытался помешать матери соглашаться на брак. Даже если бы я обидел семью Шэнь, я бы это сделал!

Он действительно очень жалел об этом. Жаль, что этот третий брат был таким скрытным и замкнутым. Он даже не разговаривает со своим старшим братом и ничем не делится. Сможет ли свекровь что-нибудь сделать? Ван Чуньхуа не волновало будущее Чжао Пинчуаня, но это также задерживало получение денег всей семьи.

Ван Чуньхуа никогда не рассматривал Чжао Мэя, своего ге-эра, всерьез, считая его убыточным товаром, и намеревался первым делом избавиться от него, когда он станет достаточно взрослым, чтобы выйти замуж.

-... Пинчуань... это правда? - голос матриарха Чжао дрожал.

- Неужели я буду шутить такими вещами? - сварливо сказал Чжао Пинчуань, не обращая внимания на выражение лица своей матери.

Несколько мгновений матриарх Чжао стоял на месте, дрожа всем телом, не издавая ни звука, но через несколько мгновений его прорвало. Он закричал:

- Это ты стал причиной поражения Пинчуаня! - затем он вскочил и ударил Ван Чуньхуа по лицу, - Это все потому, что ты, проклятая звезда неудачи, сказал, что семья Шэнь - большая семья, и убедил меня принять предложение, иначе как я мог быть таким недалеким? Это ты, идиот, поставил будущее моего сына под угрозу... - причитал он, стуча себя в грудь. На этот раз это было настоящее горе, а не притворство. Слезы текли по его старому лицу.

<http://bllate.org/book/13611/1207229>